

Ярославский УНИВЕРСИТЕТ

Орган парткома, ректората,
комитета ВЛКСМ, профкома
и профкома студентов
Ярославского государственного
университета

Газета основана
в 1966 году

22 ФЕВРАЛЯ 1991 ГОДА

№ 3 (214—215)

Цена 2 коп.

Выходит один раз в неделю

Размышления на тему дня

23 февраля — День Советской Армии и Военно- Морского Флота

ВСЕХ, КТО МОЛОД ДУШОЙ, ПРИГЛАШАЕМ

6 февраля в парткоме состоялось очередное заседание совета ветеранов университета.

С информацией о деятельности ветеранского совета познакомил собравшихся его председатель И. А. Гончаров. Он, в частности, рассказал о той работе, которую проводил совет ветеранов по воспитанию молодежи, особенно допризывного возраста, о том, как осуществляется забота о самих ветеранах, а также о мероприятиях, которые будут проводиться в канун 23 февраля — Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Запланирован целый цикл мероприятий, посвященный этому дню. Так, 1 февраля в РК Кировского района состоялось собрание актива ветеранов Кировского района, 17 февраля в 16.00 — митинг на площади Труда, а 22 февраля в актовом зале нашего университета в 16.00 намечается провести торжественное собрание.

Приглашаем всех, кто не стар душой!

Армия сейчас — один из наиболее незащищенных социальных институтов. Тревогу и озабоченность советских людей вызывают многочисленные случаи физического и морального оскорбления военнослужащих и особенно умышленные покушения на их жизнь и здоровье. Только за 1989 и 1990 гг. были убиты 97 офицеров и получили тяжелые травмы и увечья 150 человек.

Не дай бог, армия сама станет себя защищать. Сил у нее для этого более, чем достаточно. Но кому легче от этого будет? Армию должен защищать сам народ. От недоброжелательности и злобы одних и от равнодушия и беспечности других.

Вспоминаются предвоенные годы. Какой любовью окружена была тогда армия! Летчики, моряки, танкисты и артиллеристы были кумирами тогдашних мальчишек. И этим мальчишкам вместе со своими вечеринками кумирами вскоре пришлось вступить в смертельную схватку с немецко-фашистскими полчищами, нападшими на нашу страну. Мы засвидетельствуем: тяжелые поражения 1941—1942 гг. не сломили нашей воли. Не то, что надеялись, а твердо верили, что армия и народ соберутся с силами и разгромят нахального врага. Так оно и получилось: сами разбили, с дрожащей, протанутой рукой ни к кому не обратились.

Что же произошло теперь? Разве армия стала никому ненужной? Может быть, надобность в ней отпала? Любим, наверное, скажет, что это абсурд. Тогда почему же?

Армия просит нашей защиты

Советская армия стала объектом безответственной борьбы за власть. Те силы, которые выступают за целостность нашего союзного государства, укрепление его политической и экономической самостоятельности, за сохранение его роли, как могучего форпоста мира и безопасности народов, они стоят за единую, сильную армию. Деструктивным же силам, борющимся за ликвидацию СССР как союзного государства, за распад его на множество уделов, армия становится помехой. Не видеть этого — значит обманывать себя. За всем этим хорошо прослеживается и размежевание по социальным ориентирам. Развалу государства и созданию своих национальных армий способствуют как раз те, кто хотел бы надеть на наш народ ярмо капиталистического рабства и свергнуть страну в хаос междоусобиц. Столкнувшись перед собой, разли свои земли, имеем ли мы право равнодушно смотреть на то, как наше государство будет распалаться?

Не следует, конечно, пренебрегать тем республикам, которые захотят отделиться от союзного государства. Но на переговорах нужно жестко отстаивать интересы нашего государства и его армии и ни в коем случае не уступать ценностей, завоеванных нашим народом, как это произошло в странах Восточной Евро-

пы, когда наши солдаты и офицеры с семьями при отводе войск размещались прямо на снегу, испытывали унижения, превратившись в глазах народов этих стран из освободителей в оккупантов.

Последние события на Ближнем Востоке ясно показывают: право сильного в международной политике не сдано в архив. Будущее нашего государства может быть непредсказуемо, если все заранее не предусмотреть. Скажем, в случае отделения Грузии, в чьи руки перейдет та часть Черноморского побережья, которая по условиям мирных договоров с Турцией была передана России? Если мы такие уж добрые, то согласится ли Турция с передачей этой территории Грузии? И подобных сложных и спорных вопросов много. Уверен, что серьезно взвесив все, народы нашей великой державы выкажут на предстоящем референдуме за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, и, следовательно, за сохранение своей армии как единого организма.

Хорошо помню то чувство, которое охватило нас — солдат Великой Отечественной войны, когда мы возвращались с полей сражений. Мы защитили свою Родину; отстояли ее независимость, не позволили свергнуть наш народ в рабство, обеспечили для на-

шего государства прочные и незыблемые границы. Социалистическая держава наша окружена была поясом дружественных нам государств. Неужели все это в одночасье позволительно разрушить? Не о себе беспокоимся, о своих детях и внуках. Впереди у них нелегкие задачи и, хочется верить, они с ними справятся.

Армия является частью общества и, поэтому, к сожалению, ее не может миновать то, чем болеет само общество. Нельзя обманываться исчислением некоторых средств массовой информации: сиючаснее недоброжелательство по отношению к армии. Вскрытие нравственных болячек нашего общества им необходимо не для мобилизации усилий для их преодоления, а для дискредитации как самого общества, так и его армии. Для того, чтобы выбить у безответственных политиков почву из-под ног, нужны не запреты, а возрождение тесного общения армии и народа, развитие тесных связей с воинскими частями и военными училищами. Хочется надеяться, что университетский комсомол проявит в этом свою инициативу.

Армия и народ едины. Только в этом единстве — залог нравственной силы и непобедимости государства.

В. АНДРИАНОВ.

Не стареют душой ветераны

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в сердцах людей старших поколений. Она научила их любить жизнь, беречь и приумножать славные революционные, боевые и трудовые традиции нашего народа, выше всего ставить интересы социалистического Отечества. Вот почему ветераны войны и труда — золотой фонд каждого учреждения и предприятия.

Немало участников войны, тружеников тыла тех далеких, героических лет, уже принадлежащих истории, трудятся в Ярославском государственном университете, воспитывают новые поколения советской интеллигенции. Их можно встретить на многих кафедрах, в лабораториях, подразделениях и вспомогательных службах. Это, как например, наиболее квалифицированные, высокоинтеллектуальные, горячо преданные своему делу педагоги, ученые, рабочие и служащие. И в годы войны они были в первых рядах: на фронте и в тылу. В дни войны добровольцами вступили в ряды вооруженных сил профессора Л. А. Жаков, В. С. Флеров, Е. П. Тарасов, доценты В. И.

Андрянов, И. М. Майоров. По комсомольскому набору ушли сражаться с фашистскими захватчиками старший преподаватель кафедры физического воспитания В. И. Пудов, заведующий кабинетом кафедры научного коммунизма В. М. Пантелева. Все они были отважными воинами.

Преподавателей и сотрудников университета можно было видеть на самых различных участках фронта и тыла. Под Москвой воевал отличный пулеметчик В. С. Флеров, на Лужском плацдарме под Ленинградом, а позднее на Карельском и Волховском фронтах показал себя великолепным наводчиком орудия Л. А. Жаков. Храбро сражался в горах Кавказа опытный командир минометной батареи Н. И. Андриянов. На Брянском, Белорусском, 2-м Украинском фронтах не раз бросался в атаку на врага С. Р. Рыбин. Мастером меткого выстрела зарекомендовал себя на Белорусском фронте М. И. Корупко, старший преподаватель кафедры политэкономии, позднее участвовавший в Параде Победы в Москве в июне 1945 года. 22 фашистских захватчика сразили пули

снайпера Е. И. Лукьяновой, работницы вспомогательной службы университета.

Большой путь за плечами каждого из ветеранов по дорогам войны. От Москвы до Заполярья прошел путь сотрудник научно-исследовательского сектора И. А. Гончаров, представитель в те годы военной профессии радиолокатора. В освобождении Киева и других городов Украины участвовал доцент кафедры истории КПСС С. Н. Гушин, бывший штабным работником. На Сталинградском, Донском и других фронтах громили фашистскую нечисть в дни наступления работник вспомогательных служб А. А. Авдеев, профессор П. Г. Ошмарин, старший преподаватель В. П. Пудов. Древний русский город Великие Луки освободил танкист Я. П. Докучаев, ныне профессор.

В освобождении народов Восточной и Юго-Восточной Европы участвовали преподаватели и сотрудники университета И. М. Майоров, В. М. Пантелева, профессор М. С. Роговин и другие. Многие из них дошли до поверженного Советской Армией вражеского

логова — Берлина, участвовали в его штурме. Однако не для всех на этом закончилась Великая Отечественная война. На Дальнем Востоке после разгрома империалистической Японии завершился ратный труд комсорга авиационного истребительного полка авиамеханика Н. Ф. Алексея, В разгроме японских самураев приняли участие заведующий кафедрой научного коммунизма профессор П. Ф. Янкевич, профессор М. С. Роговин, А. Т. Сизык, работник вспомогательных служб П. А. Лямин.

В послевоенные годы преподаватели и сотрудники университета восстанавливали народное хозяйство, работали и учились, воспитывали молодежь. Многие из них: И. А. Гончаров, С. Н. Гушин, М. И. Корупко, В. М. Пантелева, Ю. В. Кукушкин, Г. И. Соломонов и другие — продолжали службу в Вооруженных Силах, стали профессиональными военными. Ряд ученых и преподавателей университета в мирные годы был удостоен высоких государственных наград за вклад в развитие науки, производства. За участие в выполнении правительственного задания орденом Ленина был награжден Я. П. Докучаев, по что-

гам семилетки ордена Ленина был вручен генеральному директору кожевенно-обувного объединения «Северодон» И. М. Майорову, ордена Трудового Красного Знамени был удостоен зоолог П. Г. Ошмарин, заместитель секретаря парткома К. А. Пелевина. Орденом «Знак Почета» был отмечен профессор А. И. Кащенко. Двумя орденами «Знак Почета» был награжден профессор С. А. Ильин. Медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть» были награждены профессор В. С. Флеров, доцент М. Г. Мейерович, работник вспомогательных служб В. Ф. Косичкин.

Большим авторитетом в университете пользуется совет ветеранов, воспитывающий студентов на боевых и трудовых традициях. С ветеранами Великой Отечественной партийный комитет и ректорат советуется по самым важным вопросам университетской жизни.

Поистине, не стареют душой ветераны. Их самоотверженный труд, общественная активность — прекрасный пример для молодежи.

С. ЕГОРОВ.

секретарь парткома университета

С праздником, дорогие ветераны!

И. А. Гончаров
ГОНЧАРОВ Иван Андреевич, 1919 г. Член КПСС. В Советской Армии с 1939 г. В начале войны служил в частях Московской зоны противовоздушной обороны, затем в 18-ом радиотехническом полку. Участвовал в составе войск ПВО в обороне неба советского Заполярья. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени (1944, 1985 гг.), Красной Звезды (1943, 1954), медалями «За оборону Москвы», «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР», юбилейными медалями. До 1973 г. служил в Вооруженных Силах СССР. Полковник в отставке.

Прямое участие в обороне неба Москвы для нас началось 21 июля 1941 года. Закончился первый месяц войны. Это было время, когда фашисты начали массированные бомбардировки наших городов. Днем раньше немецкая авиация сделала первую попытку налета на Ленинград. Советские летчики сбив 11 вражеских самолетов. Об этом Совинформбюро сообщало по радио.

Весь день 21 июля мы, как обычно, несли боевое дежурство. Командир роты предупредил меня, что, по данным разведки, немцы попытаются бомбить столицу. Один оператор дежурил на локаторе, второй держал наготове радиостанцию. И как только стало темнеть, мы обнаружили большую группу бомбардировщиков, шедших на Москву с запада. Тотчас доложили о самолетах на пункт управления роты. Оттуда общецепные данные передавались на командный пункт ПВО Москвы. В воздухе заблаговременно была поднята истребительная авиация, встретившая врага на дальних подступах к городу, а также приведена в готовность зенитная артиллерия и зенитные прожектора.

Налет на Москву продолжался до рассвета. Волна за волной шли немецкие бомбардировщики. Мы едва успевали обнаружить одну группу, как сразу же появлялась другая. Впереди шли опытные асы-разведчики, бросавшие примерно через каждые пятьдесят километров пути ярко светящиеся медцецо падающие авиационные бомбы, служившие ориентиром для других бомбардировочных групп. Однако фашистским летчикам не удалось нанести массированный удар из столицы. Прорвались к важным объектам лишь одиночные самолеты. Командир роты сообщил нам из Ржева, что советской авиацией и зенитной артиллерией было сбито 22 вражеских самолета.

И. Гончаров

На страже родного неба

23 июня нам был зачитан приказ Народного комиссара обороны, в котором за успешное отражение налета вражеской авиации была объявлена благодарность всем воинам — участникам операции. Это была первая благодарность Верховного Командования лично составу нашей роты, ее бойцам и командирам.

Фронт продвигался ближе к Москве. Налеты на город шли каждую ночь. Но фашистская авиация летала уже не плотными, как в первую ночь, строями, а небольшими группами, поднялась значительно выше. Были случаи, когда вражеские самолеты пытались прорваться к Москве и днем. Впереди, как правило, шли самолеты-разведчики. Поэтому работы радиолокаторщикам было много. Мы не только отслеживали вражеские бомбардировщики, но и наводили наши истребители на одиночные немецкие самолеты и группы.

Вспоминаю такой случай. С аэродрома «Вязьма», обслуживаемого нашим подразделением, на перехват разведчика Хе-111 обнаруженного нами, вылетел И-16 «шпачок», как ласково называли его солдаты. Он вел бой с вражеским самолетом. Волнуясь, мы молча сжимали кулаки, следя за развитием боя. И вот, удивившись, начал уходить на большой скорости со снижением к линии фронта. Но и наш истребитель был подбит и сделал вынужденную посадку в километре-полутора от нашей позиции. С группой бойцов я бросился к самолету, скапотировавшему на мягкой пахоте. Летчик, залитый кровью, без сознания, находился в кабине. Moi каждую минуту происойти взрыв бензобака. Поэтому мы с прибывшими колхозниками быстро закрепили тросом хвост самолета и поставили опрокинувшуюся машину на колеса. Вытащив летчика, перевязав его, доставили на свою позицию и связались по телефону с аэродромом. Прибывшая оттуда машина увезла летчика в госпиталь.

В августе 1941 года положение под Москвой ухуднилось. Враг, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, продвигался вперед.

Линия фронта приближалась быстро. Вот уже Вязьма занята немцами. Прибывший Т. А. Недоволев предлагает мне немедленно сдать технику и расчет приехавшему с ним младшему лейтенанту Александрову. Вместе с командиром роты едем до Клина, он остается там, а я получаю приказ явиться в Москву, в штаб части.

В штабе мне дали задание принять новый расчет. На следующий день вызвал меня заместитель командира по радиолокации М. П. Быков, ныне генерал-майор в отставке, специалист высокого класса, которого мы уже тогда знали и любили за его бодрый опыт, отличное знание радиолокационного дела, простоту и сердечность.

— Вот что, товарищ лейтенант, — приветливо сказал он мне. — Посдете в научно-исследовательский институт и будете находиться там 20 дней. Изучите новую радиолокационную станцию с бо-

нцами расчета. Освоите ее и тогда получите новое назначение.

В институте мы стали знакомиться с новым радиолокатором «Пегматит». Это был первый экземпляр радиолокатора несущего официальное название «П-41». Конструкция его была более совершенной, чем у нашего «Ревеня». Он имел электронный индикатор и азимутальное устройство, позволяющее обнаружить воздушные цели на расстоянии до 150 километров и точнее определять координаты самолетов и их количество. Это давало возможность успешно наводить на них наши истребители. Новинка была плодом разработок и опытов большого коллектива ученых и конструкторов. Наши радары и в дальнейшем работали по принципу, использованному в «П-41».

Технику освоили в срок. Много помогали нам творцы этой радиолокационной установки. Особенно запомнился мелодий научный сотрудник института, не жалевший ни сил, ни времени, чтобы помочь нам скорее освоить сложную технику, испытать ее в битве с врагом.

После завершения работ наш расчет направили в подмосковный город Клин. На развертывание станции отводился минимальный срок. Смонтировать ее помогли пять инженеров и научных сотрудников института. Разместились с локаторами в парке Дома-музея Чайковского. Инженеры не только собирали установку, но и учили нас вести боевую работу, которая шла очень интенсивно. Теперь немцы бомбили пригороды Москвы с ближайших полевых аэродромов. В небе на подступах к столице шли тяжелые воздушные бои. Наш расчет постоянно оповещал аэродром о приближении вражеской авиации.

Вспоминаю те дни, хочется отметить, что настроение у нас было очень тревожное. Враг рвался к Москве. Над величавым парком, где рождалась великая музыка Чайковского, с грохотом проносились наши и немецкие самолеты. Гудки ушли зенитки соседней батареи.

Дом-музей был уже эвакуирован, однако вывезти удалось не все. Многие были упакованы в ящики и сложены в одной из комнат. Об этом нам рассказали служители музея. В комнатах осталась часть мебели. Когда налетов не было, мы просили зрителя выпустить нас в дом, ходили, сняв головные уборы, по комнатам, осматривали кабинет П. И. Чайковского. В памяти возникли мелодии «Сентиментального вальса», «Танца маленьких лебедей», которые я слышал вместе с друзьями-курсантами в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Осматривая дом-музей Чайковского, одну из русских святынь, приходили к выводу: не может быть, чтобы страну Чайковского, Пушкина, Толстого, Горького могли сломить вражеские орды. Сердце горело желанием, бить ненавистного врага, так глубоко опоздавшего в нашу страну. Бить до полной победы, до полного уничтожения.

Л. ЖАКОВ

С Родиной в сердце

деревушки. Выполнив задание, взвод вернулся в расположение роты. Потерь в первом бою мы не понесли. Первая встреча с фашистами показала, что одного желания защитить родной город — мало. Нужно еще уметь это делать.

Боевой опыт приходил не сразу. Через день мы вели бой за деревню Юрки. Наша рота внезапно ринулась на нас, и враг не выдержал натиска. Но и в этом победном бою был конфуз. С опушки леса за деревней, поддерживая наступление, вела огонь наша батарея. Звуки отлучая по неопытности звука орудийного выстрела от звука разрыва, многие из нас припадали к земле от грома собственных пушек... К вечеру вышли на открытое поле, противник заметил роту и открыл сильный артиллерийский огонь. Многие были ранены осколками.

Прочно закрепившись в деревне Юрки, мы повели бой за деревни Ивановское и Поречье, но взять их так и не смогли. Мы перешли к обороне и три недели сдерживали наступление врага. Значение Лужского плацдарма было огромно, он закрывал прямую дорогу на Ленинград. В те три недели, которые Московская дивизия народного ополчения противостояла фашистам, за ее спиной ленинградские жители и подростки рыли противотанковые рвы и траншеи, командование подтягивало кадровые части, город превращался в крепость.

Здесь, на Лужском плацдарме, я становился из вчерашнего школьника солдатом Великой Отечественной. В траншеях за деревней Юрки стал формироваться и крепнуть мой духовный мир, происходило осмысление ценностей жизни, приходила и социальная зрелость. Найдя в разрушенном доме роман «Овод» Э. Вайнич, я прочел его в окопе под минометными обстрелами и, как записано в моем дневнике, «пустил слезу», сопереживая героям... Под впечатлением первой (из тех бесчисленных, которые предстояло еще увидеть) сожженной деревни, уже в госпитале, я написал стихотворение-зарисовку. Вот оно:

В отбитом селе
Сумерки жмутся пугливо
к околице,
К серым развалинам русских
печей
Искрами из дегорающих
колется
Жгучее горе бездомных
ночей
В землю уставясь пустыней
глазницами
Выбитых окон, чернеет
сено,
Бьется о землю кровавой
заринскою
Небо, как птица подбитым
крылом,
Пусто, не скрипит лениво
калитка,
Цесвей поля не восстановит
гармонь,
Только за лесом — нитка
за ниткою —
Нуль пролетает
смертельный огонь,
Пусто, мучительно пусто
И стынет
Легкого непла безжизненный
пух...
Мирно над пеплом сидят
на жердине
С курицей старою старый
петух.

ЖАКОВ Л.А. Андреевич, 1923 г. р. Беспартийный. В первый день войны записался в Ленинградскую дивизию народного ополчения. Сражался на Лужском плацдарме, Волховском и Карельском фронтах. Был пулеметчиком, наводчиком противотанкового орудия. Дважды ранен на поле боя. Награжден орденами Отечественной войны I ст. (1985 г.), Красной Звезды (1945 г.), медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями. Профессор, доктор биологических наук.

Я окончил десятилетку и стал взрослым, самостоятельным в памятный день 22 июня 1941 года. Я решил поступить в ряды Народного ополчения Ленинграда. Самый краткий срок был отпущен нам военной на подготовку и обучение. Враг стремительно рвался к Ленинграду, его надо было остановить любой ценой. Ночью 15 июля, после десяти дней обучения солдатской науке, наш третий стрелковый батальон выгрузился на станции Веймарн Лужского района и двинулся маршем к линии фронта. По прямой до него было километров тридцать. Враг подошел уже на 150 км к Ленинграду. Поэтому рубя из реки Луге приобрел важное стратегическое значение. Это мы поняли потом, а тогда была одна мысль: «Противник близко!»

Первый марш-бросок с полной боевой выкладкой оказался особенно трудным. Я в кружке юнатов привык к походам и был вынослив, но некоторые городские ребята — вчерашние школьники — так стерли ноги, что едва брели. На склоне дня, уставшие и вконец измотанные, мы расположились на привал у здания какого-то сельсовета. Не вскоре поступил приказ: сбить деревню Забелье, занятую противником.

И вот деревня. На ее окраине фашисты встретили нас пулеметным огнем. Мы залезли в кювет у дороги. Передвигаясь ползком, достигли середины деревни. Но как выбить из нее врага и даже понять, откуда он нас обстреливает, не могли. Следом за нами в деревню вошли три наших легких танка. Первый из них буквально пропихнул пулеметной сферой чердак одного из домов, и немецкий пулемет замолчал. Тогда крышка люка открылась, из танка на дорогу выпрыгнул командир, который с русской прямою и энергичностью выразил нам все, что он о нас думает как о солдатах. По приказу нашего политрука мы прочесали дома взятой нами

И здоровья, и силы на долгие годы!

Из фронтовых воспоминаний

На правом фланге Московской битвы

В. ФЛЕРОВ

Флеров Василий Сергеевич, 1922 г. р. Член КПСС. Сражался с врагом в составе 1319-го полка 185-й стрелковой Панкратовско-Православной дивизии и других частях. Станковый пулеметчик, командир пулеметного расчета. Участвовал в боях на Северо-Западном, Калининском, Западном, Волховском фронтах. Дважды ранен на поле боя. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени (1985 г.), Красной Звезды (1943 г.), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», юбилейными медалями. В послевоенные годы — медалью «За трудовую доблесть». Профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР.

В начале октября 1941 г. 185-я стрелковая дивизия после прорыва из окружения вошла в состав Новгородской группы войск. Часть подразделений заняла оборону по реке Волхов. Дивизия получила технику, пополнение — бойцов и командиров.

Все понимали, что передышка будет недолгой. И то, что нас отвели, дали отдохнуть, — было благом.

Как всегда, приказ о выступлении был внезапным. Станковый пулемет погрузили на тачанку, и мы в составе колонны 2-го батальона 1319-го стрелкового полка двинулись в направлении станции Крестцы. Шли всю ночь и утро. Монотонное движение прерывалось короткими привалами. Казалось, привал кончается в тот самый миг, когда мы буквально валились на землю и мгновенно засыпали. И снова подъем, и снова пошли...

Все идет молча, каждый дремлет на ходу. Вдруг послышались какие-то команды, выкрики. Колонна остановилась. Пробежавший мимо нас командир, указывая рукой куда-то в сторону, крикнул, что там, мол, немецкий десант.

Десятка два солдат, несколько командиров, размахивая пистолетами, ринулись в сторону леса. Нам отдали приказ готовиться к бою. В лесу беспорядочно хлопали винтовочные выстрелы, но я не услышал треска немецких автоматов. Значит, и нет никакого десанта. Бугорочек у обочины я присмотрел приличней.

Выстрелы и крики удалялись, глохли в лесной чаще.

Я сидел на тачанке с винтовкой на коленях, а запасную обойму почему-то вытащил из кармана и зажал в ладони, ощупывая острые головки пули. Наконец, донеслась команда: «Продолжать движение!», и все завозились, загорючили, закурили, кто-то громко сказал: «Антракт окончен». Колонна двинулась вперед.

Дороги, дороги и дороги. Они-то запомнились больше всего.

На привале когда я жевал весьма отсыревший, «волглый» сухарь, ко мне подошел Кольча, знакомый парень, служивший не то в комендантском взводе, не то в заградотряде дивизии. Он рассказал о том, как выходили из окружения, как в разведке они атаком сбили немецкую засаду, и показал свою шинель, пробитую по крайней мере, десятком пуль, которые шинель порвали, а его не заделали. Рассказ на нас произвел весьма сильное впечатление.

Посадка в эшелон в Крестцах прошла без особой суеты и толкотни. По доскам на платформы затащили тачанки и завели лошадей. Выставили часовых, а все остальные повалились спать на солому, застиланную пол товарного вагона. Эшелон двигался рывками, то развивая максимальную скорость, то почти останавливаясь. Все это я чувствовала сквозь сон, но внезапно проснулся от страшного удара: впечатление было такое, что кто-то гигантской палкой рубанул по вагонам, едва не сбросив их с рельсов. Все скрипело, трещало, удар следовал за ударом. И тут я понял, что это рвется рядом с железнодорожным полотном авиабомба. Осколки расщепили доски вагонной обшивки, выбили из них какие-то длинные лучины, которые перекрещивались между собой как шпаги под крышей вагона, а мы вповалку лежали на полу. Бомбежка в движущемся эшелоне — одно из самых неприятных впечатлений: деться некуда, какая-то оголенность, беззащитность, беспомощность. Но на этот раз пронесло, ни одна бомба не испала в наш эшелон. Немецкая авиация бомбила весь участок железной дороги от ст. Крестцы — Валдай. Выпущенный Волочек, особенно Болгоев, Спиридов, Лихославцев. Паспасла плохая погода, ограничивавшая действия самолетов противника.

Выгружались в Спиридово, станционные пути были забиты какими-то застывшими паровозами, лица железнодорожников, других гражданских выражали крайнее беспокойство. Тревога ощущалась во всем, даже воздух, казалось, был пропитан чем-то опасным.

Колонна идет. Проходя какую-то деревню, поздно вечером, мы увидели далекое зарево огромного пожара, то разгоравшегося ярче, то исчезающего, а местные жители стояли кучками. Я подошел к такой группе, спросил, что там такое. Пожилая женщина, вытянув вперед руку, певуче сказала: «То Калинин горит, горит Калинин горит!» — А далеко ли Калинин? — спросил я удивленный, но пока еще ничего не понимая. — «80 верст», — последовал ответ. Я догнал свою тачанку и, пристроившись сзади, все еще не мог осмыслить услышанное. Но, наконец, до меня дошло: горит Калинин, значит, туда прорвались или прорываются немцы, вот почему нас стремительно передвигают на юг, мы идем к Калининцу!

„Антонеской, огонь!“

В. АНДРИАНОВ

АНДРИАНОВ Владимир Иванович, 1923 г. р. Член КПСС. В первые дни войны вступил добровольцем в армию. Восстал в составе 132-го отдельного минометного полка, затем 29-й отдельной минометной бригаде РГК на Закавказском и Северо-Кавказском фронтах, а также в Отдельной Приморской Армии. Был командиром минометной батареи, начальником штаба минометного дивизиона, командиром минометного дивизиона. В боях за Керчь был тяжело ранен. Награжден орденами Отечественной войны II ст. (1944 г.), I ст. (1985 г.)

Мальчишество временами так и играло в нас и проявлялось оно чаще всего в боевой дерзости.

В бою за Армавир захватили мы немецкого «янюшю» — так в шутку бойцы именovali немецкий шестиствольный миномет, подчеркивая этим превосходство нашей «катюши». Во время стрельбы этот миномет урчал с раздражающим душу скрежетом, и нам хотелось, чтобы сами фашисты испытали на себе этот неприятный звук, получив «гостинцы» от теперь уже нашего «янюшю». Но не было динямо, а без него не пробьешь запалы, поджигающие реактивную часть снаряда. Что только не пробовали предпринимать бойцы: присоединяли провода к магнето автомашины — не получается, позанимались у соседей «студебекер» — тоже оказалось слабовато.

Воспоминания об этих «испытаниях» потом вызвали у меня дрожь. Ведь наводку-то по цели мы осуществляли на глазок, у нас не имелось никаких сведений о правилах стрельбы из этого миномета. Мальчишество — другого слова для оценки наших действий не подберешь.

Румынские части, воевавшие на стороне Гитлера, отступали, бросая оружие и снаряжение. Калибр их полковых минометов немногим отличался от нашего, у нас — 120 мм, у них — 119,6.

Испытание румынской мины чуть не закончилось для нас трагедией. После выстрела мина с сильным визгом устремилась ввысь, а потом упала неподалеку от нас, но не разорвалась. Смотришь на нее, а подойти поближе побаиваешься: Колпачок от взрывателя был сорван, а мина все же не

разорвалась. Почему? На этот вопрос мы не могли ответить. Необычный же визг возник по причине зазора, образующегося между стенками миномета и миной. А что если добавить порох? Дополнительный порох вылетит силой выталкивания из ствола. На этот раз мина без натужного визга вилась вверх и затем опустилась почти что у цели. Пристрелившись, мы стали бить румынскими минами по врагу.

— По фашистским гадам, командую я, — четыре беглых, огонь!

— По фашистским гадам, антонесками, четыре беглых, огонь! — передает эту команду своим добавлением техфлист И. В. Беляков. Слово приценное им, пришлось по мне «Антонеской» по Гитле — шутили бойцы.

О. АРТЕМОВА, В. ИВАНОВ

Девушка-снайпер

ЛУКЬЯНОВА Екатерина Ивановна, 1919 г. р. Беспартийная. В годы войны — снайпер 841-го стрелкового полка 237-й дивизии на 4-м Украинском фронте. Была ранена. Награждена орденом Отечественной войны I ст. (1985 г.), медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями, Работница вспомогательных служб.

Беседа с Е. И. Лукьяновой завязалась не сразу. Но на вопрос «Когда она узнала о войне?» Екатерина Ивановна ответила: «22 июня я была на дневном спектакле в театре имени Волкова. Помню, как, застыв, все мы слушали эту страшную весть. Но никто из моих подруг тогда еще не мог предположить, насколько круто повернет война судьбу каждой из нас».

Запомнилась ей и день 14 мая 1942 года. Катю и еще несколько девушек — работниц трикотажной артели имени Н. К. Крупской вызвали в райвоенкомат. Незнакомый военный объяснил им, как необходимы фронту снайперы, сколько жизней солдатских они могут спасти меткой стрельбой, уничтожая фашистских извергов. Не раздумывая, девушки согласились.

Через день девушки выехали в Горький. Долгих шесть месяцев их обучали правильной и меткой стрельбе. «Распорядок дня в школе был строгим, — вспоминала Е. И. Лукья-

нова — Подъем в пять часов утра, четыре часа строевой подготовки, потом столько же огневой. Много внимания уделялось кождению по азимуту. Преподавались и другие необходимые для снайпера дисциплины».

О своем боевом кресте ни вспоминает неохотно. Получила она его при форсировании Днепра. Уже замечено, что женское восприятие войны сильно отличается от мужского. Не запомнилась ей ни картина сражения, ни давшие войска. «Убитых было столько, что некуда было погу поставить», — сказала она. И еще сверлила мысль: «А вдруг и ты будешь также нежиться, и все для тебя будет кончено?» Не всем удается преодолеть страх. — Катя нашла в себе силы пригнать его.

При форсировании Днепра В. И. Лукьянова была ранена в ногу осколком снаряда. К счастью, ранение не было тяжелым, и Катя быстро возвратилась в свой родной 841-й полк 237-й стрелковой дивизии. Вскоре ей довелось открыть свой боевой счет. Пошла она тогда задание дерзко под обстрелом перебраться через дорогу, по которой передвигались небольшими группами немецкие солдаты. С середины края их было не видно, и они чувствовали себя в безопасности. Тщательно изучив местность, Катя выбрала на нейтральной полосе возвышение, к которому и уползла незаметно. Земля была мерзлой и в трудном поддавалась топтажке. Все же к утру ей удалось оборудовать удобную для стрельбы позицию. Напарницы у нее не было, она была и стрелком, и наблюдателем. Наступивший рассвет осветил дорогу и проходивших время от времени по ней вражеских солдат. Долго не решалась сделать первый выстрел, смотрела на дорогу, тщательно прицеливалась. Понимала, что первый выстрел может быть и для нее роковым. Немецкие снайперы тщательно следили за русскими снайперами, для новичка вступить в единоборство с ними было рискованно.

Наконец нажала на спусковой крючок. Но выстрел оказался неточным. Тогда она стала целиться не в отдельных солдат, а в скопление мышиного цвета шинелей. Этот прием оказался удачным. Ее счет мести был в тот день открыт. За день она уничтожила шесть солдат противника.

Не просто было женщине убивать. Но у нее были и свои личные счеты с врагом. Помнила она, как освобождали украинское село за Днепром. На яблонях, среди голых ветвей, качались трупы советских людей, повешенных фашистами перед самым приходом советских войск. Скопив головы, молча стояли бойцы. У каждого из них одна и та же мысль: «Не успели, а надо было успеть». Закипела тогда в душе ненависть. Она была настолько сильной, что вопрос: «Убивать или не убивать?» отпадал, говорила Лукьянова. И она безжалостно уничтожала фашистское зверье.

Двадцать два фашиста уничтожила она за время войны. Закончила же она ее уже будучи поваром полевой кухни.

Советские люди не забудут, какой тяжелой ценой завоевана Победа. Это важно для того, чтобы с удвоенной энергией бороться за мир.

Из венка фронтальных сонетов

1943 г.

То был суровый сорок первый год
 Конца его не видел был в начале
 Мы тостами задравными встречали
 Его, казалось, радостный приход.
 Энтузиаст стремился на завод,
 Ученые про старость забывали,
 В заоблачные поднимали дали
 Лишь только за рекордами пилот.
 Мы чтим труд, мы творчеством горели,
 Спокойно дети спали в колыбелях,
 Спокоен был простор полей и нив,
 И лился песен радостный мотив.
 Над родиной с востока до заката.

Метаясь зvon призывного набата
 Удар был неожидан и жесток,
 Огня и стали бешеный поток
 Нас захлестнул. Границы были смяты,
 Отлично оснащенные солдаты
 Безудержно ломились на Восток
 Враг воровал, насиловал и жег,
 Топтал и гадил все что было свято,
 Гремел набат, и мы клялись отчизне
 Исполнить долг, не думая о жизни,
 Мы верили: победный день придет,
 Но выстрадать его нам предстояло,
 Опасность все страшнее нависала,
 Винтовки в руки снова брал народ.

IX

За горечь мук впервые Ю ответил,
 Заказы пути были назад,
 И вот горящей грудью Сталинград,
 Прикрыв отчизну, гордо немцев встретил,
 Остановил и сотни тысяч этих,
 Хваленых офицеров и солдат,
 От Дона до седых кавказских гряд,
 Сдавил смертельной тактикою петель войны,
 Таких побед еще не знали войны,
 Ови народа своего достойны,
 Враг опрокинут, обескровлен был,
 Мы вклинивались, с тылу

И к берегам Диспра его теснили
 Стремительной лавиной наших сил.

XIV

То был суровый, сорок первый год
 Над родиной, с востока до заката,
 Метаясь зvon призывного набата,
 Винтовку в руки снова брал народ,
 Кто был в атаках, ненависть поймст,
 Горящие забыть не сможет хаты,
 Мы, отступая, ждали час расплаты,
 Был неизбежен битвы поворот,
 За горечь мук впервые Ю ответил,
 Удар — судьбу Германии решил:
 Взлетел зарей победы сорок третий,
 Бессмертно величие этих дней
 Века запишут в памяти своей

XXX

Конечно не легко, и хочется порой
 И ласки мне, и хочется забвенья,
 И хочется сказать тебе одной,
 Что все таки тоскую каждый день,
 Как здесь ни черен сдвинут дым атак,
 Как ни терзает душу стон орудий,
 Не можем мы забыть еще никак
 О том, что мы всего лишь только люди,
 Нельзя во время боя ни любить,
 Ни вспоминать, ксцунственно о близком,
 Когда тебя стараются убить,
 Ты думаешь одно: принца не низко ль,
 Не в эти вот минуты, когда нам
 Ни убивать, ни умирать не надо,
 Я в сердце, как в опустошенный храм,
 Вновь любви дрожжащую лампаду,
 И в памяти былое воскресив,
 Пытаюсь от действительности скрыться,
 И снова ощущаю, что я жив,
 И верю в то, что и тебе не снится,
 1944 г.

Ю: кукушкин

Это было в 42-ом

Посвящается памяти погибших воинов 1032 Арт. полка Воронежского фронта в июне — июле 1942 г.
 Земля рвалась в схватке с смертью,
 Людскою кровью плакала земля,
 Плясало пламя в дымной круговерти,
 И чадным смрадом покрывались топчун.

Из лирических тетрадей

И кови были от влившихся осколков
 В их потные и сильные бока.
 И в бешенстве, порвав свои построжки,
 Зажав удила и взьероша холки,
 Стремительно бросались в луга!
 А в небе увеличивались точки —
 И нарастал от бомб ужасный гул,
 И юнкеры по очереди точно,
 В нике входили, в воздухе ныряв.
 Все это испытали мы когда-то
 В далеком том сорок втором году,
 Когда еще совсем был молодым солдатом
 Когда таких, как я там много было рядом,
 И мы учились познавать беду!
 Я помню эти битвы за Воронеж,
 Курсканскую дивизию мою:
 И ты мой друг — однополчанин вспомнишь,
 Ту юность опаленную мою!
 Июль 1982 г.

Отдых в пути

Я идю, идю за повозкой,
 С пылью смешанный вдалеке,
 За кудрявой березкой,
 У дороги — крутой поворот,
 И за этим крутым поворотом —
 Деревенка, Избушка, Забор,
 Я измученный, грязный и потный
 Захожу в незнакомый двор,
 Подхожу к бревенчатой хате
 Из окошка, как добрая мать
 Молвит женщина: — Милый солдатик,
 Неделко по жару-то шагать,
 Заходи же родимый, в хату,
 Отдохни цепей молока,
 Ох и молодцы вы ребята,
 Тяжеленько вам бити врага,
 И как будто проходит усталость,
 И дорога как будто легка,
 А ведь было-то — самая малость:
 Добрый взгляд, да густок молока!

Я дошел до родного причала

Четыре года, четыре года
 Своею комнатку я не видал,
 Я приехал и сердцу так так много
 Свет луны о ней рассказал!
 Он пробился в морозные стекла,
 Он напомнил, что было, что нет,
 Хоть далекая рана подсохла,
 А на лбу от морщинок след!
 Не скажу что уж все петеряно,
 Ведь все также дожит лунный свет,

Но там много душою измерено,
 За порогом промчавшихся лет!
 Вспоминаешь — и как-то не верится,
 А ведь было — почти что вчера,
 Не луна, а стонала метелица,
 Не Москва, а чужая страна!
 Был я в прусской измсканной комнате,
 Я, контилка, огонь в печи,
 И ко мне вы вошли, Это помните?
 И остались вдвоем мы в ночи!
 Но теперь эта ночь — далекая,
 Нам метель развела пути,
 Вы пошли дорогой широкою,
 Я решил по другой пойти!
 Я дошел до родного причала,
 У меня уж не выюга — луна
 Ну а ты, ты нашла ль что искала,
 Или где-то отстала одна?
 16.12.45 г.

Сквозь снег

Вьется снег ласкающий, пушистый,
 Вьется в свете фонарей и фар,
 Пред глазами словно пелена нависла,
 А на сердце тот же молодости жар!
 Эх, и вечер выдался сегодня,
 Ведь и на ресницы поналип снежок,
 Ничего, что нам дорогу плохо видно,
 Не пни для счастья амсчества дорог!
 Есть для счастья лишь одна дорога,
 Пусть глаза закрыты — пеленной их снег,
 Ведь для счастья надо очень уж немного
 А залогом счастья — искренний твой смех!

Не хочу спешить я...

Снег идет, Мелькает предо мною
 Сноп снежинок — дружная семья,
 Зависнула снежной пеленой
 Сумрак догорающего дня!
 Как я рад часкающему снегу,
 Я бы каждую пушинку пеловал,
 Я бы каждую лавин с раздутью,
 Но свежок уж на бровях сверкал!
 Зависнула снежной пеленою
 Сумрак догорающего дня,
 Но сквозь снег я вижу пред собою
 Стены древнего, любимого Кремля!
 Ясвой шаг немного замедляю:
 Не хочу спешить я никуда,
 Ведь сквозь снег рубинами сверкала,
 Загорелась алая звезда,
 Москва, ноябрь 1945 г.

В. КРУЦЬ

Прощание с заставой

Вот и все. За ворота заставы
 Наг увозит наш старенький «ГАЗ»,
 Я пойму много позже, что за ними оставил,
 как и все, кто уедет сейчас,
 Старшина! К нам не будь ничем строгим:
 с нами рядом постой,
 не спеши, пожелай нам счастливой дороги
 и еще что-нибудь, от души,
 И прости нам последнюю вольность —
 мы шинели успеем одеть,
 А сейчас, у машинки, пусть вестер знакомый
 Нас обдует, чтоб душу согреть,
 Придетел он затем, чтоб проститься,
 Сдуть с нас пыль от недавних дорог,
 Проводить от порога границы,
 часовым замерев у ворот
 Ничем в тыл нас увозит машинка,
 между гор, по дорогам крутым,
 На покрытые снегом вершины
 опустил туман, словно дым.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Рассекреченные судьи,
 Не достать рукой до неба!
 Искалеченные судьбы,
 за щекою — мякиш хлеба,
 Да и я не удержался: тоже думал, не дурак, мол,
 Тверд орешек оказался,
 Зубы сплевываю на пол,
 Станет мало пачки на день,
 если грусть плечом заденет,
 Стоит только выйти за дверь —
 уж стрелки добычу делат,
 А придет — протянут руку
 Обрубать хвосты люталес,
 но... и горькую по кругу запускал
 и бросить кляпья
 Отыскать, хотелось угол,
 где забудутся печали,
 Да сказали — С этим туго!
 Почему — не отвечали,
 С недвучисленным пейсеном
 наиском до парадной провожали,
 Глаз на них давно наметан,
 так что даром руку жалит!
 А прощайся, не по тебе
 Бохохульствовали пшюбо,
 Исправляться не хотели,
 дан понять: визит — ошибка
 Твердолобость наказали:
 чем-то в грудь тяжелым — на! мол,
 Но! на двери указали,
 Оседая молча на пол,
 Ну да что теперь беситься,
 Возвращаюся восвоиса,
 Вижу рядом те же лица,
 поги визнут в той же грязи,
 Рок замещивает круто:
 ночь в бреду,
 а день — в горячке,
 Как и прежде, нынче утро начинаю без раскочки.